

УДК 93/94

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.51.3.02

Васильев Дмитрий Валентинович

доктор исторических наук, доцент

Московский городской педагогический университет

Москва, Россия

dvvasiliev@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6616-0646

РОССИЙСКО-ХИВИНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ПОСЛЕ ПОХОДА ГЕНЕРАЛА В. ПЕРОВСКОГО И ПЛАНЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПО ЗАКРЕПЛЕНИЮ НА ВОСТОЧНОМ БЕРЕГУ КАСПИЙСКОГО МОРЯ. 1840–1864 гг.

Аннотация. В статье рассматривается история российско-хивинских отношений в 1840–1864 гг. Это время между Зимним походом генерала В. Перовского и российским завоеванием Мавераннахра, за которым последовало непосредственное планирование высадки российских войск на восточном берегу Каспийского моря и основание фактории в Красноводском заливе. Привлечение труднодоступных источников позволяет проследить отдельные фазы развития политических взглядов российского правительства на проблему безопасности в регионе. Российские власти первоначально стремились завершить покорение Хивы военным путем. Позднее они отказались от идеи необходимости активных военных действий, перейдя к концепции установления контроля над Хивинским ханством с востока и запада (с Каспийского побережья). Источники убеждают, что кроме безопасности российских подданных важнейшей целью России в регионе было обеспечение торговых интересов империи и противостояние британскому влиянию. В 1864 г. интерес Российской империи непосредственно к Хиве падает, а вопрос закрепления на восточном берегу Каспийского моря, напротив, приобретает важнейшее значение.

Ключевые слова: Хивинское ханство, В. А. Перовский, Каспийское море, Красноводск, Оренбург, российско-хивинские отношения, Центральная Азия, Николай I, Азиатский департамент МИД, военное министерство, А. И. Чернышев, А. Г. Серебrenников.

UDC 93/94

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.51.3.02

Vasiliev Dmitry V.

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor

Moscow City University

Moscow, Russia

dvvasiliev@mail.ru; ORCID: 0000-0001-6616-0646

**RUSSIAN-KHIVA RELATIONS AFTER THE TRIP OF 1839–1840
AND PLANS OF THE RUSSIAN EMPIRE
TO ESTABLISH AN OUTPOST ON THE EASTERN COAST
OF THE CASPIAN SEA. 1840–1864**

Abstract. The article deals with the history of Russian-Khivan relations in 1840–1864. This was the time between the Winter Campaign of General V. Perovsky and the Russian conquest of Maverannakhr, which was followed by direct planning for the landing of Russian troops on the eastern shore of the Caspian Sea and the foundation of a trading post in Krasnovodsk Bay. The involvement of the rare sources helps to trace the individual phases in the development of the political views of the Russian government on the problem of security in the region. The Russian authorities initially sought to complete the conquest of Khiva by military means. Later, they abandoned the idea of the need for active military action and moved on to the concept of control over the Khiva Khanate from the east and west (from the Caspian coast). The sources argue that in addition to the security of Russian subjects, Russia's most important goal in the region was to ensure the trading interests of the empire and to resist British influence. In 1864, the interest of the Russian Empire in Khiva fell, and the issue of conquering an outpost on the eastern shore of the Caspian Sea, on the contrary, became of paramount importance.

Keywords: Khanate of Khiva, V. A. Perovsky, Caspian Sea, Krasnovodsk, Orenburg, Russian-Khivan relations, Central Asia, Nicholas I, Asian Department of the Ministry of Foreign Affairs, Ministry of War, A. I. Chernyshev, A. G. Serebrennikov.

Введение. Известно, что Хивинский поход генерала В. Перовского 1839–1840 гг.¹ закончился неудачей, хотя у нас есть все основания считать, что при этом его политическая задача была отчасти выполнена. Хива на несколько лет прекратила активные злонамеренные действия против русских. Но так как ханство не потерпело военного поражения и Россия не смогла закрепиться в этой части Центральной Азии, вопрос обретения здесь форпоста сохранял актуальность.

История российско-хивинских отношений традиционно остается в центре внимания исследователей. Среди работ последнего времени следует назвать статью Р. Т. Ганиева, посвященную активизации российско-хивинских отношений в начале XIX столетия². Понятно, что российско-хивинские дела вписываются в систему

¹ Удербаетова С. К., Сагатов А. М. Письма В. А. Перовского с походов в Хиву и Ак-Мечеть из «Трудов Оренбургской ученой архивной комиссии» как исторический источник // Люди империи — империя людей: персональная и институциональная история азиатских окраин России: сб. научных статей. Омск, 2021. С. 567–574.

² Ганиев Р. Т. Хивинская проблема Российской империи в 1-й половине XIX в.: амбиции и реальность // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2013. № 2 (114). С. 107–123.

отношений Хивинского ханства со своими соседями³, что в рассматриваемый период укладывается в концепцию Большой игры. Отдельного упоминания заслуживают труды Р. Ю. Почекаева, в которых история Хивинского ханства более позднего периода рассматривается в разных ракурсах, а российское участие оценивается как чрезвычайно значимое⁴. Дипломатические и политические отношения Хивинского ханства и Российской империи середины – второй половины XIX в. исследованы Ш. Б. Мухамедовым⁵, Е. Н. Крупенкиным⁶, другими исследователями⁷.

При этом вне поля зрения остался существенный аспект центральноазиатского дискурса Российской империи — планы России по контролю над своевольным ханством и ее взгляд на будущее российского присутствия в регионе.

Редко привлекаемые исследователями тома «Сборника материалов для истории завоевания Туркестанского края» за 1848–1850 гг., подготовленные А. Г. Серебренниковым и изданные в Ташкенте, а также неизданные и хранящиеся в рукописях в Национальном архиве Узбекистана, вкуче с материалами МИД Российской империи, отложившимися в Архиве внешней политики Российской империи, позволяют реализовать эту задачу.

Ход и результаты исследования. Видимая неудача хивинской экспедиции не охладила Петербург. Не успели войска вернуться в места дислокации, как в столице стали появляться новые идеи об установлении контроля над этой частью Центральной Азии. Одним из центров влияния стало Морское министерство. Князь А. С. Меншиков 4 марта 1840 г. высказался так: «Поражением хивинцев достигнута будет настоящая цель правительства — восстановление упадающего влияния нашего в Средней Азии; но утверждение сего влияния на прочных основаниях должно быть последственной целью

³ Васильев С. Д. Туркмены в контексте региональной внешней политики в Центральной Азии первой половины XIX в. // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14. № 4. С. 658–672; Вдовин С. С. Взаимоотношения Хивинского ханства с соседями в первой половине XIX в. // *Вопросы национальных и федеративных отношений*. 2022. Т. 12. № 8 (89). С. 3079–3086; Почекаев Р. Ю. Хивинский фактор российско-казахских отношений в XVIII–XIX вв. Ч. 1: Казахские ханы на троне Хивы // *Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки*. 2021. № 4 (44). С. 103–120.

⁴ Почекаев Р. Ю. Договоры Российской империи с Хивинским ханством и Бухарским эмиратом 1873 г.: Опыт историко-правового анализа // *Уральский исторический вестник*. 2022. № 4 (77). С. 168–177; *Его же*. Включение Бухарского эмирата и хивинского ханства в таможенную черту Российской империи (1895 г.) // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2016. № 3. С. 172–184; *Его же*. Особенности правового регулирования статуса российских торговцев в Бухарском эмирате и Хивинском ханстве во второй половине XIX – начале XX в. // *Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность*. 2015. № 6. С. 38–44.

⁵ Мухамедов Ш. Б. Особенности дипломатических отношений Бухарского эмирата и Хивинского ханства с Российской империей (вторая половина XIX – начало XX в.) // *Центральная Азия на перекрестке европейских и азиатских политических интересов: XVIII–XIX вв.* М., 2019. С. 212–228.

⁶ Крупенкин Е. Н. Политические отношения Российской империи и Хивинского ханства в 1867–1870 гг. // *Вестник Томского государственного университета*. 2016. № 404. С. 101–104.

⁷ Васильев Д. В. Дуализм российской администрации на восточном берегу Каспийского моря // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. 2020. Т. 65. Вып. 1. С. 85–107.

наших действий». В российской столице вполне отдавали себе отчет в главном сопернике на центральноазиатском театре: «Покорение Кабула англичанами и сближение войск их с Бухарией может ныне, без сомнения, почитаться главнейшей причиной, противодействующей нашему влиянию; уничтожить ее можно лишь подобными с нашей стороны мерами — сближением наших войск с народами, в той полосе Азии обитающими, и основанием на Сырдарье значительного с поселением укрепления». Таким образом, Меншиков предложил новое направление потенциального похода на Хиву, который можно было разделить на два этапа: занятие пункта на Сырдарье и движение оттуда в ханство⁸.

Тем временем морское ведомство продолжало прорабатывать идею морского похода против Хивы. В первой половине марта Главным морским штабом было предложено поручить контр-адмиралу Н. П. Римскому-Корсакову безотлагательно направиться в Саратов и Астрахань, войти в соображение местных средств для организации морской транспортировки отряда к восточному берегу Каспийского моря, откуда он должен был продолжить движение на Хиву. Известному мореходу надлежало изучить возможные препятствия на этом пути и «начертать план удобнейшего доставления сводного отряда». Эта идея получила высочайшее одобрение⁹. Действовать Корсаков должен был в непосредственном взаимодействии с Перовским¹⁰. Наиболее удобным для высадки уже определенного состава будущей экспедиции (6809 чел.)¹¹ императору виделось побережье Мангышлакского полуострова, на что указала побывавшая там в 1839 г. экспедиция капитан-лейтенанта Бодиско и капитана Широкова¹², хотя самому контр-адмиралу было предписано рассмотреть возможность транспортировки войск и снаряжения в каждый из трех потенциальных пунктов: в Ново-Александровск, на Мангышлак и на Красноводскую косу¹³. Одновременно кавказское начальство получило указание об отзыве с крейсирования в Астрахань возможно большего числа судов для использования их в интересах новой экспедиции¹⁴, а В. А. Перовский — предписание задержать на Эмбе возвращающиеся из Хивинской экспедиции части¹⁵.

Размышляя об итогах своей экспедиции, В. А. Перовский соглашался, что «общие политические отношения империи, и в особенности местные Оренбургского края, требуют настоятельного исполнения начатого — покорения Хивы. Это одно может поставить нас в глазах своих азиатцев и всей соседней Азии на принадлежащую России точку. Нет также никакого сомнения, что впечатление было бы тем рачительнее, чем скорее вслед за первой неудачей был бы нанесен удар». Но при этом признавал: «Постигая все это в полной мере, я, однако же, не вижу никакой возможности приступить к делу в скором времени, напр[имер], еще в нынешнем году»¹⁶. К причинам такой задержки военный губернатор отнес не только необходимость пополнения личного состава, артиллерии и финансов, но, главное, недостаток транспортных средств —

⁸ Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края. 1840 / сост. полк. А. Г. Серебренников. Ташкент, 1912. С. 72–73.

⁹ Там же. С. 81–83.

¹⁰ Там же. С. 83.

¹¹ Там же. С. 87.

¹² Там же. С. 85.

¹³ Там же. С. 89.

¹⁴ Там же. С. 90–91.

¹⁵ Там же. С. 91–92.

¹⁶ Там же. С. 98.

верблюдов. Главной причиной своей неудачи В. А. Перовский назвал не «недостаток положительных сведений о местности», как полагал государь император, а непредсказуемое буйство стихии, которое, по мнению В. А. Перовского, погубило и отряд князя Бековича-Черкасского. Признавая наиболее удобным предпринять экспедицию поздней осенью или зимой, генерал считал целесообразным вновь пройти по уже опробованному пути, не обращая внимания на морской маршрут через Ново-Александровск как требовавший более серьезной (в том числе и финансовой) проработки¹⁷.

Однако император настаивал на организации экспедиции незамедлительно, в 1840 г. Принимая точку зрения В. А. Перовского о непригодности Ново-Александровска для морской поддержки будущего похода, он требовал осуществить занятие и укрепление Мангышлака¹⁸.

Документы свидетельствуют о том, что, несмотря на острое желание Николая I довершить покорение Хивы, генерал-адъютант В. А. Перовский затягивал организацию повторной экспедиции. Указывал на истощение местных средств — людских и материальных, на чрезвычайную затруднительность высадки войск на восточный берег Каспийского моря¹⁹. В своем следующем донесении генерал назвал графу А. И. Чернышеву желаемое время нового похода — не ранее осени 1841 г.²⁰

Судя по всему, император готов был занять позицию В. А. Перовского, согласившись принять его в столице²¹, хотя приготовления ко второй Хивинской экспедиции продолжались полным ходом: Каспийская эскадра собирала в Астрахани суда для предстоявшей отправки людей и грузов²². Но уже 4 мая государь согласился отложить новый поход на Хиву на определенное время²³. Вместе с этим занятия Н. П. Римского-Корсакова приобрели теоретический характер и вскоре прекратились²⁴.

Наконец, 14 июля 1840 г. В. А. Перовский представил в Петергофе «Предположение о вторичном походе в Хиву». Практически не останавливаясь на широко известных причинах будущей экспедиции (вероломство, грабежи караванов, набеги, пленение людей, подстрекательство туркмен и подданных России казахов), В. А. Перовский назвал ее очевидную цель: «Хивинское ханство, расположенное у Аральского моря на устьях рек Сыра и Аму, представляет удобнейшую опорную точку для всех политических и коммерческих предприятий наших в этой части Средней Азии»²⁵. Этой цели, как признавал оренбургский военный губернатор, «невозможно, однако же, достигнуть теперь одним ударом; для этого требовались бы слишком большие усилия, продолжительное время, а более всего — точное и подробное знание приаральской местности. Итак, действия предполагаемой экспедиции должны ограничиться наказанием ханства, т[о] е[сть] разорением городов, освобождением пленных, сменой хана и, если можно, сбором значительной контрибуции. Этого, без сомнения, будет достаточно на долгое время для смирения и обессиления Хивы. Что же касается до упрочения влияния

¹⁷ Сборник материалов для истории... С. 99–101.

¹⁸ Там же. С. 106–107.

¹⁹ Там же. С. 111–112.

²⁰ Там же. С. 115–118.

²¹ Там же. С. 125.

²² Там же. С. 125–126.

²³ Там же. С. 126.

²⁴ Там же. С. 95, 139–140, 144–145.

²⁵ Там же. С. 160.

нашего в Средней Азии, то для сего необходимо занятие и заселение устьев Сыра, предположенное еще в 1750 годах»²⁶. Подчеркнем, что имперские власти, во всяком случае Оренбург, считали присоединение ханства излишним, исходя то ли из внешне-политических, то ли из экономических соображений. Основание укрепления и колонии на Сырдарье считалось достаточным для контроля беспокойного соседа.

В. А. Перовский предложил три варианта пути на Хиву: с восточного берега Каспийского моря (неудобный в связи с нехваткой судов, неустроенностью побережья, вредной для человека средой или мелководьем); по восточному берегу Арала через Сырдарью и Амударью (неудобный вследствие большей на 300 верст протяженности, трудности форсирования рек и безводья); по западному берегу через Усть-Урт (здесь неудобство заключалось во временном недостатке корма и нехватке воды). В итоге В. А. Перовский счел наиболее подходящим третий вариант, т. е. тот путь, по которому шел отряд в 1839 г.²⁷ Этот маршрут определял и время выступления отряда — начало октября²⁸.

Оренбургский проект не впечатлил Николая I, и император повелел обсудить идею второго Хивинского похода в особом совещании²⁹.

Произошедшее в 1840 г. смягчение отношения хивинского хана к России побудило царское правительство сформулировать основные принципы будущих отношений с ханствами. В основе этих отношений должны были лежать политические и торговые интересы империи. Поставленная на первое место политическая цель состояла в упрочении в ханствах исключительного влияния России. Лишь на второе место были поставлены торговые интересы, состоявшие не только в росте товарооборота, но и в обеспечении безопасности караванов, торговцев и их имущества. Эти цели должны были реализоваться через учреждение в Хиве, Бухаре и Коканде российских агентов и подписание с их правителями обязательственных актов³⁰.

Были определены следующие конкретные условия для Хивинского ханства, с которого было решено начать воплощение новой политики.

1. Прекратить все действия против России и ее подданных, вернуть российских пленников.
2. Не распространять свой суверенитет (в том числе сбор податей) на подчиненных России казахов и туркмен.
3. Выдавать на российскую сторону укрывающихся беглецов.
4. Не останавливать и не направлять через Хиву караваны, участвующие в российско-азиатской торговле.
5. Прекратить сбор пошлины на Сырдарье и уничтожить возведенные там хивинские укрепления.
6. Оказывать покровительство российским купцам в Хиве и уравнивать взимаемую с них пошлину с хивинской.
7. Предоставить России свободное судоходство по Амударье.
8. Разрешить нахождение в Хиве российского агента с правом непосредственного обращения его к хану.

²⁶ Там же. С. 160–161.

²⁷ Там же. С. 169–173.

²⁸ Там же. С. 175.

²⁹ Там же. С. 186.

³⁰ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 161. СПб. Гл. арх. I-1. Оп. 781. Д. 80. Л. 133–135.

«9. Ко всем законным и справедливым требованиям российского агента, относительно нашего и бухарского купечества, иметь надлежащее уважение.

10. В случае раздора Хивы с соседями, и в особенности с Бухарой, признавать российского агента неизменным посредником между ними.

11. Без совета российского агента не заключать никаких условий с какими бы то ни было народами.

12. В случае смерти в хивинских владениях кого-либо из российских подданных имущество его отнюдь не отбирать в ханскую казну, а в целости передавать в ведение российского агента.

13. Безопасность агента, а также всех российских и бухарских торговцев, и вообще соблюдение всех постановляемых условий, обеспечивается лицами и имуществом хивинских торговцев, в России находящихся»³¹.

Заметим, что не все условия были вынесены на переговоры с Хивой, вести которые было поручено находившемуся в Оренбурге капитану Генерального штаба П. Никифорову³², который в самом конце января 1841 г. отправился в столицу для получения инструкций перед поездкой в Хиву³³.

Азиатский департамент МИД подготовил для него инструкцию, которая указала задачу миссии: «Теперь остается принять меры к предупреждению, по возможности, на будущее время возобновления несогласий и к обеспечению безопасности российских торговцев. Это самое составляет главную цель, для которой Вы командуетесь в Хиву»³⁴. Капитану следовало припугнуть хана Аллакули фантомом нового военного нажима: «...несмотря на делавшиеся уже приготовления к возобновлению экспедиции против Хивы, его императорское величество повелел остановить отправление оной, лишь только получил известие об исполнении ханом главного требования нашего»³⁵. Угрозы прекращения торговых отношений и нового похода против Хивы должны были висеть над ханством, подталкивая его к сговорчивости.

Предстоявшие переговоры должны были вестись вокруг следующих предметов. «1. Уничтожение рабства и пленения русских и обеспечение лиц и имущества их в хивинских владениях. 2. Ограничение незаконного влияния Хивы на кочевые племена, издревле поступившие в подданство России. 3. Обеспечение торговли нашей как с Хивой, так и с соседственными владениями»³⁶.

Торговые интересы правительства сводились к 1) созданию условий для свободного и безопасного доступа русских купцов во все населенные пункты ханства; 2) установлению необременительной и единовременной пошлины для всех российских товаров; 3) допуску российского чиновника к участию в определении стоимости товаров в интересах обложения; 4) предотвращению насильственных остановок караванов и различного рода препятствий движению караванов в Россию и обратно³⁷.

³¹ Сборник материалов для истории... Л. 135 об. – 138.

³² Там же. С. 1.

³³ Там же. С. 5.

³⁴ АВПРИ. Ф. 161. СПб. Гл. арх. I-1. Оп. 781. Д. 81. Л. 27, 28 об. – 29. (Опубликованный текст инструкции: Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края. 1841. С. 10–24).

³⁵ Там же. Л. 30–30 об.

³⁶ Там же. Л. 32 об.

³⁷ Там же. Л. 40 об. – 41.

Решать торговые вопросы российский посланник должен был тоже с большой осторожностью. На него возлагалась надежда убедить Аллакули в установлении пошлины в 5 % от стоимости товаров, сославшись на трех- и пятипроцентные пошлины в Турции и Персии соответственно.

В случае удачного решения первых трех вопросов капитану П. Никифорову следовало убедить хана разрешить присутствие в Хиве российского чиновника. «Содельываясь политическим посредником между оренбургским начальством и Хивой, он был бы вместе с тем покровителем и справедливым заступником приезжающих в ханство российских подданных»³⁸. Итогом дипломатической миссии должно было стать заключение официального соглашения.

В августе 1841 г. миссия капитана П. Никифорова прибыла в Хиву. Уже в самом начале переговоров выяснилось, что Аллакули намеревался их использовать для разграничения казахских земель и реализации своих претензий на реки Эмбу, Ирғиз и Турғай. Все это выходило за пределы компетенций посольства. Такое обстоятельство, а также уклончивость хивинской позиции, нездоровье П. Никифорова и его недипломатичное высокомерие не позволили реализовать поставленные задачи. Видя бессмысленность дальнейшего затягивания переговоров, российский посланник перешел к решительным действиям и вручил хану декларацию оренбургского губернатора о том, что «1) всякий хивинский подданный, посланный для сбора податей между киргизами, кочующими по северную сторону реки Сыра, будет предан смерти как нарушитель мира; 2) всякий хивинский подданный, посланный для сбора податей с киргизов, кочующих в песках Барсуках (пустыни к северу от Аральского моря. — *Д. В.*), на реке Эмбе, на берегах моря, в урочище Кай-Кунакты и по берегам залива Карасу и на северных частях Чинка, будет предан смерти как нарушитель мира и 3) всякий хивинский подданный, являющийся в аулы киргизов, принадлежащих Российской империи, с намерением нарушить спокойствие оных, будет схвачен и предан смерти»³⁹.

После первых аудиенций у хана капитан П. Никифоров доносил в Оренбург, что Аллакули не готов был принять требование России о принадлежности ей восточного побережья Каспийского моря и кочевников, проживавших на западном берегу Арала⁴⁰. Спустя несколько недель неблагоприятное положение миссии усугубилось: хан не принимал предложенных ему условий вообще. Камнем преткновения стал вопрос о выходе России к Сырдарье. Капитан П. Никифоров окончательно разуверился в успехе: «Хан и его сановники чужды всякого понятия о политических переговорах и даже не могут понять слова. Уполномоченные, вполне сознавая свое бессилие, они не в состоянии оценить кротких сношений, но трепещут [от] силы, которая одна может их вразумить...»⁴¹. П. Никифоров объявил земли всех принявших российское подданство кочевников достоянием империи⁴² и заверил, что в любом случае выдвинутые Петербургом условия российско-хивинских отношений будут исполнены российской стороной. Предложив

³⁸ Там же. Л. 44 об.

³⁹ Жуковский С. В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Пг., 1915. С. 127. (То же самое: Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края. 1841. С. 103)

⁴⁰ Сборник материалов для истории завоевания... С. 102.

⁴¹ Там же. С. 130.

⁴² Там же. С. 134.

хану подписать проект мирного договора, имперский посланник заявил, что в противном случае будет вынужден покинуть Хиву, что и случилось 27 октября. Ни одно из условий не было выполнено, договор не был подписан.

По пути в Петербург 27 января 1842 г. П. Никифоров скончался в поместье матери под Сызранью от инфаркта. А 17 февраля государю императору доложили о том, что бумаги покойного был направлен разбирать чиновник особых поручений при оренбургском военном губернаторе полковник Г. И. Данилевский⁴³, назначенный позднее главой новой миссии в Хиву. По другим сведениям, П. Никифоров простудился в дороге 13 января и 23 января скончался в Сызранском уезде в имении помещика Нечаева⁴⁴.

Отправленный вскоре в Хиву полковник Г. И. Данилевский получил ту же инструкцию, что и его предшественник⁴⁵ с тем дополнением, что ему следовало «озаботиться преимущественно на этот раз объяснениями касательно установления постоянной пошлины на русские товары в Хиве (в размере 5 %⁴⁶. — Д. В.) и отложить впредь до усмотрения разрешение вопроса об определении пределов влияния хивинцев на Киргизские степи (выделено мною. — Д. В.)»⁴⁷. В случае успеха переговоров по пошлине Данилевскому надлежало склонить хана к подписанию обязательного акта. К вопросу о границе российского влияния в Казахской степи можно было обратиться при соответствующем настрое хивинского правительства. Российский МИД подчеркивал, что главная цель нового посольства «состоит в том, чтобы утвердить хана в доверии к справедливости и добросовестности намерений императорского кабинета и приготовить пути к утверждению приязненных сношений»⁴⁸. Таким образом, очевидно, что главнейшей целью России в отношении Хивинского ханства было и оставалось развитие торговли и связанное с этим умиротворение взаимоотношений. А общее смягчение российской позиции однозначно убеждает в намерении мирного разрешения хивинского вопроса.

Миссия Г. И. Данилевского выступила из Оренбурга 1 августа и через шесть недель прибыла в пределы ханства. За это время скончался Аллакули и на престол 25 ноября взошел его сын Рахимкули⁴⁹. Довольно скоро новый правитель Хивы подписал предложенные ему фирман и обязательный акт, предусматривавший установление пошлины с российских товаров в размере искомых 5 % и отмену пошлины с транзитных товаров, следовавших через Сырдарью⁵⁰.

Как бы то ни было, но миссия Г. И. Данилевского увенчалась успехом и 31 декабря посольство вместе с хивинским посланником к высочайшему двору Мухаммедом-Эмином отбыло в Оренбург⁵¹. Вскоре последовало высочайшее повеление направить подполковника в столицу для представления его величеству и позволить хивинскому послу чуть позже также прибыть к высочайшему двору⁵².

⁴³ АВПРИ. Ф. 161. СПб Гл. арх. I-1. Оп. 781. Д. 82. Л. 41.

⁴⁴ Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края. 1842 и 1843 / сост. полк. А. Г. Серебrenников. Ташкент, 1914. С. 9.

⁴⁵ Там же. С. 24.

⁴⁶ В два раза больше, чем настаивал прежде В. А. Перовский.

⁴⁷ Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края. 1842 и 1843. С. 33, 34.

⁴⁸ Там же. С. 34–37.

⁴⁹ Там же. С. 73.

⁵⁰ Там же. С. 81–84.

⁵¹ Там же. С. 106–107.

⁵² Там же. С. 109.

До Николая I доходили сведения о беспокойствах со стороны туркмен, которые создавали препятствия для российского судоходства и промыслов у восточного берега Каспийского моря. Но, не разобравшись до конца с Хивой, с большим трудом отстаивая место гегемона в Европе, государь был не готов к спонтанной экспедиции против туркмен, в которую так или иначе был бы вовлечен правитель Хорезма.

Незадолго до отправления экспедиции Г. И. Данилевского генерал В. А. Перовский покинул свой пост в Оренбурге. За время его отсутствия Ново-Александровское укрепление было перенесено на Мангышлак и названо Ново-Петровским, построено другое укрепление на Раимском полуострове Аральского моря (Аральское укрепление). Оба — для военного контроля Хивы. А в 1851 г. В. А. Перовский вернулся в Оренбург уже в более высоком статусе оренбургского и самарского генерал-губернатора.

Казалось бы, накал давления Хивы на российских подданных казахов за последние годы заметно снизился. Однако В. А. Перовский продолжал пугать столичных дипломатов ставшей уже мифической угрозой, видимо в надежде на полную реабилитацию собственного неудачного похода. «Хивинский хан, как известно министерству, несмотря на данное в 1843-м году торжественное обещание не предпринимать против России никаких ни тайных, ни явных враждебных действий, делал с тех пор во вред русских все, что только мог. Вторжения хивинских шаек в степь киргизов наших прекратились только с 1851 года вследствие страха, чтобы не последовало новой, по примеру 1839 года экспедиции на Хиву; тот же страх удерживал, по-видимому, хивинцев и от неприязненных против действий в продолжение экспедиции прошлого (1853 г. — *Д. В.*) лета на Ак-Мечеть. Но в настоящих обстоятельствах, увлеченный турецкими прокламациями и стараниями кокандцев, хан хивинский и решил, быть может, на грабительские в степь нашу вторжения и, возбуждая киргизов к восстанию против русского правительства, станет нападать на наши транспорты во время следования их на Сырдарью»⁵³.

Однако надо отдать должное государственному мышлению В. А. Перовского. Он предлагал простой и не совсем обычный для этого внешнеполитического направления выход, назвав «крайне полезным для противодействия с нашей стороны отправить к весне в Хиву неофициального агента, который бы объяснил хивинскому правительству всю выгоду оставаться в дружбе с могущественным соседом, доказавшим уже на деле, что он не нарушит мира, если сама Хива не накличет на себя грозы, увлекшись подстрекательством турок или англичан к каким-либо открытым или тайным враждебным против нас действиям, и что в последнем случае не должны уже они ожидать от нас пощады, а турки и англичане защитить их не могут. Все это понимают в некоторой степени и сами хивинцы, но по азиатскому легкомыслию могут поддаваться на противные внушения. Присутствие в Хиве русского агента, снабженного обычными в подобных случаях подарками, содействовало бы к ее успокоению и вместе с тем доставило бы нам о теперешнем положении дел и умов в соседних странах сведения, определительнейшие тех (более определенных. — *Д. В.*), какие получаем мы чрез посредство киргизов, которые ничего виденного или слышанного не могут передавать без прибавок и украшений собственного изобретения»⁵⁴.

⁵³ Национальный архив Узбекистана (НАУз). Ф. 715. Оп. 1. Д. 15. Л. 38, 39.

⁵⁴ Там же. Л. 73, 74.

Заметим, что предложенная генерал-адъютантом В. А. Перовским практика со временем будет принята для Бухарского ханства. А пока «на все это последовало ныне высочайшее его императорского величества соизволение»⁵⁵.

Во время нахождения у власти В. А. Перовского активизировалась Аральская флотилия, присутствие которой оказывало на хивинского хана сдерживающий эффект⁵⁶.

По мере закрепления России на Мангышлаке и Арале, ее интересы сместились к южной границе туркменских владений, где они соприкасались с иранскими пределами. Российская империя стала более свободно чувствовать себя в орбите центральноазиатских отношений, могла уже более активно вмешиваться во внутренние дела региона. При этом преемник В. А. Перовского, оренбургский и самарский генерал-губернатор А. А. Катенин, весьма сдержанно относился к идеям резких движений в отношении местных туркмен⁵⁷. Тем более что в районах их расселения обер-квартирмейстер Оренбургского корпуса полковник В. Д. Дандевиль искал оптимально удобное место для российской фактории. В середине сентября 1859 г. генерал А. А. Катенин донес в столицу о завершении изыскательских работ полковника В. Д. Дандевилья по исследованию восточного побережья Каспийского моря. На всем берегу лишь Красноводский залив мог стать российским форпостом в Туркменской степи. Непросто пришлось российской экспедиции: захваченные туркменами нижние чины, отогнанные верблюды и лошади, вооруженные нападения... Однако все недоразумения были улажены, виновники наказаны и аманаты возвращены⁵⁸.

Докладывая об этом военному министру, А. А. Катенин обратил внимание на весьма существенный момент, который на длительное время определил будущее тогда еще не завоеванного края: «Считаю долгом заявить теперь же Вашему высокопревосходительству мое убеждение, родившееся вследствие затруднительности положения экспедиции в продолжение некоторого времени в Красноводском заливе, когда я не мог подать ей отсюда не только никакой помощи, но не имел даже возможности доставлять вовремя мои предписания.

Оставаясь при том мнении, что устройство укрепления в Красноводском заливе крайне для нас необходимо и полезно в видах политических и торговых, я полагаю, что исполнение этого предприятия будет удобнее, скорее, дешевле и успешнее исполнено средствами Кавказской армии, нежели средствами Оренбургского корпуса»⁵⁹. Одной из главных трудностей были взаимоотношения с местными туркменами, которые иногда приобретали форму вооруженного противостояния.

В итоге министры, морской, военный и иностранных дел, приняли решение приостановить процесс основания фактории, так как он вместо мирного принял военный характер. Министры посчитали, что «приведение... предприятия сего ныне в исполнение силой восстановило бы еще более против нас туркменские племена и дало повод к подозрению о завоевательных намерениях наших на восточном берегу Каспия». В качестве другой насущной меры они назвали необходимость военного усиления Астрабадской морской станции, которая не могла в условиях туркменских происков

⁵⁵ Национальный архив Узбекистана... Л. 85.

⁵⁶ НАУз. Д. 22. Л. 112–113.

⁵⁷ Там же. Л. 8.

⁵⁸ Там же. Л. 198.

⁵⁹ Там же. Л. 200.

обеспечивать их отражение и достаточную защиту российских интересов. Это мнение получило высочайшее утверждение 2 ноября 1859 г.⁶⁰

Что же касается Хивы, то у русских на ханство были планы, выходящие за рамки российско-туркменских отношений. Это идея занятия устья Амударьи, для реализации которой было бы неплохо заручиться поддержкой или хотя бы нейтралитетом ханства⁶¹. Трудно сказать, насколько реализация этой задачи была возможна, тем более что обстановка в Хиве и вокруг нее оставалась постоянно напряженной: взаимная вражда туркмен с подданными России — казахами не прекращалась⁶².

В рапорте военному министру в ноябре 1859 г. А. Катенин сформулировал не только собственный, но и правительственный взгляд на туркмено-хивинский вопрос: «Занятие юго-восточного берега Каспия и возведение укрепления на Красноводском заливе издавна признавалось необходимостью. В настоящее время, казалось, не следовало бы откладывать это давно задуманное намерение. В политическом отношении построение укрепления в Красноводском заливе заставит признать овладение оным за дело уже окончательно совершившееся и положить конец замыслам англичан, которые, неуклонно создавая нашему правительству затруднения на Востоке, могут склонить к тому персиян, обнаруживших уже свои притязания как на этот берег, так и на господство над туркменами, которые, в сущности не признают поныне ни чьей власти. Кажется, не трудно было бы доказать дипломатическим путем как право наше на Красноводский залив, так и повод к занятию оно не в видах завоевательных, а торговых.

Отношения же наши к туркменам могут быть названы или административными, или охранными для нас самих, ибо, несмотря на неоднократные присяги на подданство России, своевольные туркмены не перестают и ныне грабить, и захватывать наших торговцев, рыбопромышленников и киргизов, кочующих в соседстве с ними по Устюрту. Станция наша на Ашур-Аде не в силах остановить морские грабежи туркмен пока не будет укрепления в Красноводском заливе. По всем сим причинам Красноводске укрепление должно быть возведено, по моему мнению, не далее будущего 1860 года.

Что же касается до занятия Аму в видах как распространения нашей торговли в Хиве, Бухаре и выше по течению Аму, так и в той надежде, что с распространением этой торговли товары, идущие теперь к нам сухопутьем, могут со временем большей частью быть сплавляемы по этой реке и потом от известного на ней места идти караванным путем на Красноводский залив, то, признавая эту мысль возможной, я не отвергаю пользы занятия на Амударье одного или двух укрепленных пунктов, которые, кроме торговой цели, в виде станций для судов и складочных мест для товаров, могут существенно содействовать в отношении туркмен и Хивы нашим административным видам; но действие это должно быть последовательным, т. е. по занятии уже Красноводского залива, ибо тогда только разъяснится вполне будущие наши виды на туркмен и Хиву и надежды на распространение торговли по Аму. Если правительство на основании этих указаний найдет полезным занятие дельты Амударьи, то и в таком случае занятию этому должна предшествовать основательная рекогносцировка»⁶³.

⁶⁰ Там же. Л. 360–361.

⁶¹ Там же. Л. 312.

⁶² Там же. Л. 357.

⁶³ Там же. Ф. 715. Оп. 1. Д. 15. Л. 391–393.

Приведенное мнение главного начальника Оренбургского края, фактически курировавшего российские интересы на восточном берегу Каспийского моря, раскрывает все смыслы присутствия империи в этой части Центральной Азии: исключительно торговые интересы; противодействие замыслам англичан; усмирение туркменских грабежей как постоянной угрозы для развития торговли; основание фактории в Красноводске и взятие под контроль течения Амударьи, что, так или иначе, заставило бы Хивинское ханство считаться с российскими интересами. Но самое пристальное внимание следует обратить на то, каким образом А. А. Катенин определил будущие отношения с туркменами, а именно как административные или охранительные (от них), а вовсе не как подданические или какие-либо иные формы зависимости. Иными словами, речи об аннексии или военном занятии Туркменской степи не велось, во всяком случае на региональном уровне. Забегая вперед, заметим, что российское законодательство в будущей Закаспийской области постоянно сохраняло административный характер, не вмешиваясь глубоко и не подрывая напрочь традиционные устои туркменского общества.

Предложения А. А. Катенина о занятии Красноводского залива было решено обсудить 16 января 1960 г. в 12 ч. дня на заседании совещательного комитета с участием генерал-адмирала Константина Николаевича, военного министра генерал-адъютанта Н. О. Сухозанета, министра иностранных дел А. М. Горчакова, главнокомандующего Кавказской армией генерал-фельдмаршала А. И. Барятинского и генерал-адъютанта А. А. Катенина⁶⁴.

Обсуждались два вопроса, поставленные командиром Оренбургского корпуса. Первый: следовало ли немедленно приступить к строительству укрепленной фактории в Красноводском заливе? Отвечая на этот вопрос, высшие чиновники империи дали вполне очевидный ответ: «Принимая в соображение наши, в настоящее время довольно натянутые, отношения к Персии, и не желая ныне доводить эти отношения до крайности, комитет полагает устройство укрепленной фактории отложить до более благоприятных обстоятельств»⁶⁵.

Второй вопрос касался исследования устья Амударьи. И здесь было решено обойтись без резких движений. «В настоящее время признано достаточным довольствоваться теми сведениями, которые мы приобрели в течение двух экспедиций флигель-адъютанта Бутакова, а потому с открытием навигации новой экспедиции в устья Аму не предпринимать...»⁶⁶.

Местная российская администрация отдавала себе отчет, что захват новых территорий в регионе (например, удержание за собой устья Амударьи) укрепит влияние на Хиву и Бухару, распространит на местных казахов и каракалпаков имперское подданство, но не компенсирует за счет сборов с населения соответствующих финансовых затрат и возбудит недовольство англичан, опасаящихся приближения России к их индийским владениям⁶⁷.

А вскоре продвижение российских войск в сторону Коканда и соединение Оренбургской и Сибирской линий вообще сняли с повестки хивинские дела. Министры,

⁶⁴ НАУз. Ф. 715. Оп. 1. Д. 23. Л. 33.

⁶⁵ Там же. Л. 53.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края. 1864 год. Ч. 1 / сост. полк. А. Г. Серебрянников. Ташкент, 1914. С. 74.

военный и иностранных дел, убеждали государя: «Из числа среднеазиатских ханств Хива и Бухара, отделенные от наших пределов кызылкумскими песками, не представляют большой опасности; притом Хива слишком слаба, чтобы делать какие-либо неприязненные покушения...»⁶⁸. А потому вновь повторяли российский внешнеполитический императив в регионе: «Приобретением нравственного влияния на среднеазиатские ханства, не вмешиваясь в их управление, внутренние дела и политические отношения, но стараясь путем мирных и торговых сношений рассеять их недоверие к нашей политике и установить прочные отношения, чтобы иметь возможность ограждать в самых ханствах интересы и безопасность наших подданных, развить нашу азиатскую торговлю и открыть новые рынки для сбыта русских произведений...»⁶⁹.

Заключение. Проведенный анализ исторических источников показывает, что курс Российской империи по отношению к Хивинскому ханству был достаточно динамичным. Сразу же вслед за Зимним походом в правительственных кругах родилась идея повторить сухопутную экспедицию с целью занятия Хивы. Однако одновременно с этим стала набирать сторонников и идея морского десанта на восточный берег Каспийского моря с вариантами высадки на Мангышлаке или в Красноводском заливе. Не сразу, но император Николай I согласился отложить покорение Хивы, понимая его несвоевременность. Еще более осторожной была позиция оренбургской администрации, которая считала присоединение ханства избыточным. Генерал В. А. Перовский вынашивал план трехстороннего движения на Хиву (один маршрут — с морского побережья). Спустя более 30 лет это предположение реализовалось самым неожиданным образом.

Дипломатические документы бескомпромиссно свидетельствуют, что главной целью российского интереса к Хиве (как позднее и к занятию восточного берега Каспийского моря) было развитие торговли с центральноазиатскими ханствами и соседними крупными державами. А наведение порядка, безопасность и освобождение пленных были производными от этого.

Пятидесятые годы XIX столетия стали началом военной активизации России в отношении южных казахов, Кокандского ханства и отчасти Бухарского эмирата как с целью округлить владения империи, так и с целью развития торговли и укрепления безопасности рубежей. Осуществляя продвижение на юг, Российская империя не забывала и про Хиву, устраивая сухопутные укрепления и осваивая водные маршруты (Аральская флотилия).

С этого времени в центральноазиатской политике России происходит разделение прежде единого хивинского направления на два: 1) собственно хивинское (сухопутное), которое уже реально маркировалось укреплениями на военных картах, и 2) туркменское (каспийское) направление, планы в отношении которого все еще вынашивались российскими властями. Заметим, что самим туркменам в этих планах отводилось место, названное имперскими чиновниками административным, под которым понималось невоенное выстраивание мирных взаимоотношений. А будущее влияние на Хиву мог бы обеспечить постоянный российский агент, что, кстати, и было воплощено позднее в отношении Бухарского эмирата.

⁶⁸ Там же. С. 198.

⁶⁹ Там же. С. 199.

Литература

1. Васильев Д. В. Дуализм российской администрации на восточном берегу Каспийского моря // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2020. Т. 65. Вып. 1. С. 85–107. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2020.105
2. Васильев С. Д. Туркмены в контексте региональной внешней политики в Центральной Азии первой половины XIX в. // Oriental Studies. 2021. Т. 14. № 4. С. 658–672. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-658-672
3. Вдовин С. С. Взаимоотношения Хивинского ханства с соседями в первой половине XIX в. // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Т. 12. № 8 (89). С. 3079–3086. DOI: 10.35775/PSI.2022.89.8.032
4. Ганиев Р. Т. Хивинская проблема Российской империи в 1-й половине XIX в.: амбиции и реальность // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2013. № 2 (114). С. 107–123.
5. Крупенкин Е. Н. Политические отношения Российской империи и Хивинского ханства в 1867–1870 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 404. С. 101–104. DOI: 10.17223/15617793/404/15
6. Мухамедов Ш. Б. Особенности дипломатических отношений Бухарского эмирата и Хивинского ханства с Российской империей (вторая половина XIX – начало XX в.) // Центральная Азия на перекрестке европейских и азиатских политических интересов: XVIII–XIX вв.: сб. научных трудов международного семинара (Алма-Ата, 19–23 августа 2019 г.) / [под науч. ред. Д. В. Васильева]. М: ОнтоПринт, 2019. С. 212–228.
7. Почекаев Р. Ю. Включение Бухарского эмирата и Хивинского ханства в таможенную черту Российской империи (1895 г.) // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 3. С. 172–184. DOI: 10.17323/2072-8166.2016.3.172.184
8. Почекаев Р. Ю. Договоры Российской империи с Хивинским ханством и Бухарским эмиратом 1873 г.: опыт историко-правового анализа // Уральский исторический вестник. 2022. № 4 (77). С. 168–177. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-4(77)-168-177
9. Почекаев Р. Ю. Особенности правового регулирования статуса российских торговцев в Бухарском эмирате и Хивинском ханстве во второй половине XIX – начале XX в. // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. 2015. № 6. С. 38–44.
10. Почекаев Р. Ю. Хивинский фактор российско-казахских отношений в XVIII–XIX вв. Часть 1: Казахские ханы на троне Хивы // Вестник МГПУ. Серия: Исторические науки. 2021. № 4 (44). С. 103–120. DOI 10.25688/20-76-9105.2021.44.4.08
11. Удербаева С. К., Сагатов А. М. Письма В. А. Перовского с походов в Хиву и Ак-Мечеть из «Трудов Оренбургской ученой архивной комиссии» как исторический источник // Люди империи — империя людей: персональная и институциональная история Азиатских окраин России: сборник научных статей / отв. ред. Н. Г. Суворова. Омск: ОмГУ, 2021. С. 567–574. DOI: 10.52468/978-5-7779-2573-2.2021.567-574

References

1. Vasilyev D. V. Dualizm rossiiskoi administratsii na vostochnom beregu Kaspiiskogo moria [The dualism of the Russian administration on the Eastern Caspian Coast] // Vestnik of Saint Petersburg University. History. 2020. Vol. 65. Issue 1. P. 85–107. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2020.105 (In Russ.).
2. Vasilyev S. D. Turkmeny v kontekste regional'noi vnesheinei politiki v Tsentral'noi Azii pervoi poloviny XIX v. [Turkmens in Russia's foreign policy in Central Asia, early to mid XIXth century] // Oriental Studies. 2021. Vol. 14. № 4. P. 658–672. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-658-672 (In Russ.).
3. Vdovin S. S. Vzaimootnosheniia Khivinskogo khanstva s sosediami v pervoi polovine XIX v. [Relationships of the Khanate of Khiva with neighbors in the first half of the XIXth century] //

Issues of National and Federative Relations. 2022. Vol. 12. № 8 (89). P. 3079–3086. DOI: 10.35775/PSI.2022.89.8.032 (In Russ.).

4. Ganiev R. T. Khivinskaiia problema Rossiiskoi imperii v 1-i polovine XIX v.: ambitsii i real'nost' [The Khivan problem of the Russian Empire in the 1st half of the XIXth century: ambitions and reality] // Izvestia. Ural Federal University. Series 2: Humanities and Arts. 2013. № 2 (114). P. 107–123 (In Russ.).

5. Krupenkin E. N. Politicheskie otnosheniia Rossiiskoi imperii i Khivinskogo khanstva v 1867–1870 gg. [Relations between the Russian Empire and the Khanate of Khiva in 1867–1870] // Tomsk State University Journal. 2016. № 404. P. 101–104. DOI: 10.17223/15617793/404/15 (In Russ.).

6. Mukhamedov Sh. B. Osobennosti diplomaticheskikh otnoshenii Bukharskogo emirata i Khivinskogo khanstva s Rossiiskoi imperiei (vtoraia polovina XIX – nachalo XX v.) [Peculiarities of diplomatic relations of the Emirate of Bukhara and the Khanate of Khiva with the Russian Empire (second half of the XIXth – early XXth centuries)] // Tsentral'naia Aziia na perekrestke evropeiskikh i aziatskikh politicheskikh interesov: XVIII–XIX vv.: sbornik nauchnykh trudov mezhdunarodnogo seminara (Alma-Ata, 19–23 avgusta 2019 g.) / [pod nauch. red. D. V. Vasil'eva]. Moscow: OntoPrint, 2019. P. 212–228 (In Russ.).

7. Pochekaev R. Yu. Vkluchenie Bukharskogo emirata i Khivinskogo khanstva v tamozhennuiu chertu Rossiiskoi imperii (1895 g.) [Inclusion of Bukhara Emirate and Khiva Khanate into the customs system of the Russian Empire (1895)] // Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki. 2016. № 3. P. 172–184. DOI: 10.17323/2072-8166.2016.3.172.184 (In Russ.).

8. Pochekaev R. Yu. Dogovory Rossiiskoi imperii s Khivinskim khanstvom i Bukharskim emiratom 1873 g.: opyt istoriko-pravovogo analiza [The 1873 treaties of the Russian Empire with the Khanate of Khiva and the Emirate of Bukhara: a historical and legal analysis] // Ural Historical Journal. 2022. № 4 (77). P. 168–177. DOI: 10.30759/1728-9718-2022-4(77)-168-177 (In Russ.).

9. Pochekaev R. Yu. Osobennosti pravovogo regulirovaniia statusa rossiiskikh torgovtsev v Bukharskom emirate i Khivinskom khanstve vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v. [Legal regulation of the status of Russian traders in the Emirate of Bukhara and the Khanate of Khiva in the second half of the XIX – beginning of the XXth Century] // Vostok. Afro-Aziatskie obschestva: istoriia i sovremennost'. 2015. № 6. P. 38–44. (In Russ.).

10. Pochekaev R. Yu. Khivinskii faktor rossiisko-kazakhskikh otnoshenii v XVIII–XIX vv. Chast' 1: Kazakhskie khany na trone Khivy [The Khivan factor of Russian-Kazakh relations in XVIIIth and XIXth centuries. Pt. 1: Kazakh khans on Khiva and the point of Russia] // MCU Journal of Historical Studies. 2021. № 4 (44). P. 103–120. DOI: 10.25688/20-76-9105.2021.44.4.08 (In Russ.).

11. Uderbaeva S. K., Sagatov A. M. Pis'ma V. A. Perovskogo s pokhodov v Khivu i Ak-Mechet' iz «Trudov Orenburgskoi uchenoi arkhivnoi komissii» kak istoricheskii istochnik [Letters of V. A. Perovsky from campaigns to Khiva and Ak-Mosque from the “Proceedings of the Orenburg Scientific Archival Commission” as a historical source] // Liudi imperii — imperiia liudei: personal'naia i institutsional'naia istoriia Aziatskikh okrain Rossii: sbornik nauchnykh statei / otv. red. N. G. Suvorova. Omsk: OmGU, 2021. S. 567–574. DOI: 10.52468/978-5-7779-2573-2.2021.567-574. (In Russ.).